

М.А. Юдаков

ПАТРИАРШИЙ ЧИН ЛИТУРГИИ XVII ВЕКА

Древнерусский архиерейский Служебник представлен только в рукописях и является очень большой библиографической редкостью. На это еще в XIX веке обратил внимание профессор Киевской духовной академии Алексей Афанасьевич Дмитриевский¹. Содержательно святительские Служебники дореформенной древнерусской рукописной традиции имеют две категории. С одной стороны, это рукописи, содержащие иерейский чин литургии, но при этом использовавшиеся епископами или, по крайней мере, им принадлежавшие. С другой стороны, это рукописи с подробным изложением особенностей архиерейского служения, представляющие собой еще большую ценность. Одному из таких Служебников и будет посвящена данная статья.

Ключевые слова: служебник, А.А. Дмитриевский, Арсений Суханов, патриарший чин, архиерейский чин, литургия.

Рукопись

Служебник патриарший ГИМ. Син. 690 середины XVII века хранится в собрании московской Синодальной библиотеки в Государственном Историческом Музее. Рукопись никак не украшена, написана скорописью в четвертую долю листа² и имеет заглавие «Книга, глаголемая архіерейскій служебникъ». Несмотря на название Служебника, которое сообщает, что он предназначен для любого архиерейского богослужения, в самом тексте рукописи везде упоминается патриарх. Из этого следует, что Служебник написан по заказу первосвященника и предназначен для первой очереди для патриаршего служения.

Рукопись содержит последования вечерни, утрени и панихиды, однако они изложены не полностью. Эти чинопоследования представляют собой уставы (диатаксисты) совершения богослужений, где содержатся лишь рубрики и инципиты молитв. Полностью изложены только чины трех литургий. Чинопоследования рукоположений и поставлений игуменов, игумений и архимандритов снова представлены в сокращении.

Максим Александрович Юдаков — выпускник Богословского факультета Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, магистр теологии (maksimos@inbox.ru).

¹Дмитриевский А.А. Отзыв о сочинении М.И. Орлова «Литургия св. Василия Великого» // Сборник отчетов и премий о наградах, присуждаемых императорской Академией Наук: Отчеты за 1909 г. СПб., 1912. С. 184–185.

²[Горский А.В. и Невоструев К.И.] Описание славянских рукописей Московской синодальной библиотеки. С предисловием Н.П. Попова. М., 1917. Отд. III. Ч. 2. С. 511–514.

Особенности состава чина литургии

2.1. Начальные обряды (чин входных молитв и облачения)

Молитвословия перед службой делятся на три части. Первая часть начинается еще до выхода патриарха из келии, когда он произносит молитвы *егда звонят* «Гласъ радости спасенія...», *идя к церкви* «Проліяшася стопы моя...» и *перед службой* «Господи, сокровище благихъ...». При выходе из келии читаются псалмы 14, 22, «Хвалите отроцы имя Господне...», «Достойно есть...» и отпуст. У дверей храма архидаион многолетствует патриарха, произнося более пространную, чем *Εἰς πολλὰ ἔτη, δέσποτα*, формулу: «Святейшему, имярек, патриарху Московскому и всея Руси, исполати деспота». Второй блок входных молитв следует сразу по входе храм и состоит из обычного начала, поклонения иконам с тропарями перед каждой, целования святых врат алтаря, где изображены Дева Мария и архангел Гавриил, с произнесением тропаря Благовещению и молитвы «Господи, ниспосли руку Твою...».

После этого первосвященник по дониконовскому обычаю входит на краткое время в алтарь, но не читает здесь молитв перед службой, как это было принято в древнерусской практике XVI века и в южнорусской практике XVII века³. Вместо этого патриарх целует Евангелие на престоле, произнося краткую формулу: «Верую, Господи, во Святое Твое Евангеліе, помози ми и спаси мя грешнаго». Молитвословие, по-видимому, заимствовано из иерейского чина литургии, поскольку известно по другим более ранним рукописям, содержащим ординарный литургийный формуляр. Так в Служебнике РГБ. Ф. 304. 224 XV века оно упоминается в контексте малого входа в отдельной рубрике, посвященной особым кратким молитвам для разных моментов литургии. А согласно Служебнику РНБ. Соф. 854 XVI века, использовавшемуся впоследствии епископом, священник произносил эти слова и целовал Евангелие перед началом литургии, как об этом говорится в патриаршем Служебнике. Поцеловав Евангелие, патриарх осеняет сослужащее духовенство напрестольным крестом со словами «Силюю и заступлениємъ, Честнаго Креста Твоего, Господи, помилуй мя и помози ми грешному». Затем патриарх шествует к жертвеннику, где целует сосуды и благословляет священника и диакона, участвующих в проскомидии.

Сослужащие архиереи, стоя на орлецах, облачаются и умывают руки в алтаре, в то время как патриарх восходит для облачения «на уготованное ему

³Таковы архиерейские Служебники: БАН. Новг. 918. XVI в.; ГИМ. Син. 310. Нач. XVI в.; ГИМ. Син. 680. XVI в.; ГИМ. Син. 909. XVI–XVII в.; ГИМ. Щук. 40. 1650 г.; ГИМ. Син. 271. 1665 г.

мѣсто среди церкви», читая стихи «На сіон гору възиди, благовествуй Іерусалиму, проповедуй въ крѣпости, вознести гласъ, преславная глаголана быша, о тебѣ граде Божий» (ср.: Ис 40:9). Эти стихи входят в чин архиерейской литургии XVII века не случайно. Из контекста описания восхождения патриарха для облачения ясно, что архиерейский амвон был достаточно высоким. Более того, русский паломник иеромонах Арсений Суханов, путешествовавший по Православному Востоку и описавший греческую практику архиерейского богослужения, заметил однажды, что у греков вообще нет амвона в центре храма. И последние упрекают русских в том, что наши церковные амвоны заслоняют весь вид на алтарь и иконостас⁴. Это говорит о том, что русский амвон был настолько высок, что даже уподоблялся горе Сион.

Встав на изображение орла в центре т.н. *облачального* места⁵, произносит стихи «И обыде его и наказа его и сохрани его, яко зеницу, и яко орель покры гнездо свое, и на птенца своя воздеде» (Втор 32:13–14). Особенностью патриарших литургических одежд является т.н. *великий* параман⁶, который не упоминался прежде в чине архиерейского облачения ни одной из изученных нами дониконовских рукописей XVI–XVII в. При возложении на патриарха епитрахили приводится только обычный для Устава литургии свт. Филофея⁷ стих «Имше Иисуса и связаша Его, и предаша Его Понтійскому Пилату игемону»⁸. Палица по Служебнику надевалась после поручей, но перед саккосом и украшалась изображением Иисуса Христа или Богоматери⁹. Данный святительский Служебник впервые дает ясное указание на то, что в древнерусской практике первосвященник имеет право использовать за богослужением саккос, остальные архиереи носят ризы (т.е. фелонь). При этом стих при надевании саккоса остается неизменным: «Священницы Твои, Господи...». При возложении омофора

⁴ Горский А.В., Невоструев К.И. Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. М., 1869. Отд. III. Ч. 1. С. 110.

⁵ Имеется ввиду архиерейский амвон в центре храма.

⁶ Желтов М.С., диак. Архиерейское богослужение // ПЭ. М., 2000. Т. 3. С. 567.

⁷ Устав (порядок действий священника и диакона при совершении литургии) Божественной литургии, составленный константинопольским патриархом Филофеем Коккиным в сер. XIV в., ставший общепринятым на Руси около XV в.

⁸ А.А. Дмитриевский обратил внимание на этот стих, который указывает, что символическое значение епитрахили в это время (узы Иисуса Христа) отличается от последующего (благодатные дары Таинства Священства). (Дмитриевский А.А. Богослужение в Русской Церкви в XVI веке. Часть I: Службы круга седмичного и годичного и чинопоследования таинств... Казань, 1884. С. 78)

⁹ Здесь патриарший Служебник указывает, каким образом следует целовать это изображение на палице, если это Спаситель, то «в носку», а если Богородица, то в «ручку».

произносится тот же стих, что и в упомянутых выше святительских Служебниках, но с некоторыми разночтениями: «Благодаримъ Тя, Христе Боже нашъ, яко изволи, помиловати, истлевшее страстьми, челоуѣческое естество, и заблудшее, волкомъ хищное овча обрете и на рамо въспрімъ, ко Отцу принесе и съ небесными совокупивъ силами». Митру патриарший Служебник именует по русской традиции шапкой и при надевании предписывает произносить: «Господи, Господи, призри съ небесе...» (Пс 79:14–15).

Интересным кажется упоминание в чине облачения сулка (в тексте — «сулогъ»), поскольку ни один из известных нам дониконовских Служебников ничего не говорит о сулке. Из контекста становится ясно, что сулок не повязывался на архиерейский жезл, а придерживался рукой отдельно. Более того сулок имел и особый стих: «Пріими сей свитокъ новъ, великъ, и напиши въ немъ, писаніемъ челоуѣческимъ, и вѣждь, яко совершися великое таинство спасения ради нашего» (ср.: Ис 8:1). Принимая пастырский жезл (в тексте «посохъ»), патриарх садился на своем месте, произнося: «Престоль Твой, Боже, въ вѣкъ вѣка, жезль правости, жезль царствія Твоего, возлюбилъ еси правду, и возненавиде беззаконіе» (Пс 44:7–8). Далее в тексте патриаршей литургии порядок использования жезла не приводится.

По окончании облачения архиdiaкон трижды возглашал патриарху многолетие *Εἰς πολλὰ ἔτη, δέσποτα*. После чего патриарх и архиdiaкон на том же месте в наосе читали третью часть входных молитв, согласно порядку утвержденному Стоглавым Собором 1551 года: обычное начало, тропари «Радуйся, дворе Божіа...», «Подъ твою милость прибѣгаемъ», «Господи, отыми от менѣ беззаконія моя...», «Непроходимая дворе, тайно знамена...», «Слава: Входяй въ домъ Твой, Боже...», «И ныне: Бога изъ тебѣ...». В заключение патриарх произносил молитву перед службой «Владыко, не хотяй смерти грешникомъ...».

Далее Служебник приводит указание на хиротесию во чтеца, певца или иподиакона, а после нее на омовение рук. По окончании хиротесии патриарх снова молится, читая молитву от *скверны*, а также еще две молитвы покаянного характера, на которые в рукописи есть только указания в виде инципитов: «Господи Иисусе Христе Боже нашъ» и «Господи, премилостивый да ущедрит мя». По прочтении молитв сослужащее духовенство исходит из алтаря и собирается около патриаршего места, где все «преклоняся творять прошеніе», говоря: «Прости мя, Господи Иисусе Христе Сыне Божій, и благослови, елико есми согрешихъ во вся дни живота моего и в сий день и часъ, бесъ числа согрешихъ словомъ, и дѣломъ и помышленіемъ и всеми чувствами моими».

Проскомидию, текст которой помещен в Служебнике полностью на своем месте перед литургией, совершают священники и диаконы в алтаре у жертвенника, используя семь просфор. Такое количество просфор было зафиксировано и печатными изданиями Служебника патриарха Иосифа, однако рукописная традиция свидетельствует о нефиксированном количестве просфор. Дальнейшее описание действий производит несколько необычное впечатление. Во время проскомидии неслужащие священники и диаконы совершают в храме службу часов. Патриарх и другие служащие архиереи «въ то ж врѣмя действуют, святое действо, во святей церкви», т.е. патриарх и архидиакон вслух прочитывают весь текст проскомидии, каждый свои слова, но в самой проскомидии не участвуют. В этот же самый момент Служебник говорит о том, что иподиаконы «среди церкви поють» стихиры дня, храма или праздника. Таким образом, одновременно с совершением проскомидии в алтаре совершаются еще три литургических действия в храме никак не связанных между собой.

Отпуст проскомидии произносится священником при открытых святых вратах «из олтаря на церковь», после которого снова происходит краткий чин прощения перед литургией со словами «Прости мя, Господи Иисусе Христе Сыне Божій, и благослови, елико ми согрешихъ во святей Твоей сей Божественней службе, словомъ и дѣломъ, и помышлениемъ, и всеми чувства моиими». Патриарх творит разрешительную молитву «на всю церковь»: «Благодатию Своею, Богъ да проститъ и помилуетъ всехъ насъ».

2.2. Литургия оглашенных

В начале литургии имеется особая оговорка о том, что архиерей должен произносить про себя только молитвы и возгласы, но не ектении, как, вероятно, было принято в древнерусской практике, поскольку для этого поставлены диаконы. На малом входе упоминается возможность поставления в протодиакона, протоиерея, игумена или архимандрита. Перед входом в алтарь патриарх не свечами, а рукой осеняет царя и молящихся мирян «на оба лика», затем при входе в алтарь патриарх целует святые двери в изображение Благовещения Пресвятой Богородицы. Сразу после этого еще до молитвы Трисвятого совершается каждение алтаря и храма.

Великая похвала не упоминается, но Служебник предписывает патриарху крестообразно осенять рукой царя, сослужащих и народ с произнесением возгласа молитвы Трисвятого: «Яко свят еси, Боже наш...». Затем диаконы поднимали Евангелие и подносили его патриарху, который трижды осенял Евангелие дикирием, но без молитвословий.

При восхождении на горнее место предстоятель произносил стих: «Повелениемъ Господнимъ небеса утвердишася, и духомъ устъ его, вся сила ихъ» (Пс 32:6). Затем согласно древнерусской традиции, общей для всех исследуемых нами рукописей, во время апостольского чтения совершается особое благословение предстоятелем двух сослужащих с тем лишь отличием, что к патриарху подходят не священники, а архиереи.

Когда поется аллилуарий, диаконы подносят патриарху два напрестольных креста, которыми тот осеняет себя и целует, после чего так делает все сослужащее духовенство. Данный обряд, по-видимому, является новым по отношению к древнерусской традиции архиерейского служения, т.к. ничего похожего мы не знаем в других святительских Служебниках. Однако сам обычай целовать крест перед чтением Евангелия встречается в других источниках XVII века, но содержащих иерейский чин литургии¹⁰.

Молитвы Евангелия «Возсіяй въ сердцахъ...» и «Господи Боже нашъ, приклони сердца наша», имеющие нефилофеевский характер, также входят в состав патриаршей литургии, однако читаются одна за другой еще до совершения малого входа в составе молитв энарксиса, причем сразу после молитвы входа.

Во время прошений сугубой ектении о царе патриарх осеняет духовенство и народ свечой, но при этом не произносит никаких молитвословий. Позднее этот обычай, некогда общий для архиерейского и иерейского служения, вообще потерял свой первоначальный смысл, поскольку был присоединен к окончанию чтения Евангелия.

Ектения и молитва об усопших на литургии к XVII веку уже прочно закрепляется в русской практике, так что и патриарший Служебник содержит указание на них в случае «аще будетъ о усопшихъ приношение».

2.3. Литургия верных

Перед великим входом по обычаю патриарх в святых дверях умывает свои руки. Молитва на освящение воды «Господи, освятивый струи...» читается только после омовения, после чего патриарх и другие архиереи помазывают этой водой чело. Патриарх же помазывает «кого хочетъ», произнося «Благодать Святаго Духа да будетъ съ тобою».

Вторая или архиерейская проскомидия ни после малого входа, ни перед переносом даров не совершается, вероятно, потому, что была прочитана патриархом на своем месте перед литургией. Не встречаются и т.н. молитвы за *входящая в церковь*. Патриарх не благословлял священников на перенос да-

¹⁰Например, в рукописи РНБ. Соф. 919 середины XVII века.

ров на престольным крестом, как это было принято раньше. Процессия великого входа описана похожим образом, как других святительских Служебниках. В переносе участвуют иподиаконы со свечами, диаконы с рипидами, диаконы несущие митру и омофор, протодиакон с кадилом, архидиакон с дискосом, архимандрит с потиром, архимандрит с крестом и прочие священники с покровами для сосудов, а если есть хиротонисуемый во пресвитера, то он несет воздух позади всех священников и, наконец, последним шествует иподиакон или ставленник во диакона с умывальником.

Сосуды с дарами принимаются патриархом в святых вратах отдельно, т.е. сначала дискос и только потом потир. Предварительно предстоятель кадит принимаемые от архидиакона и архимандрита сосуды. Здесь необходимо обратить внимание на то, что практика, отраженная в патриаршем Служебнике, вероятно, была новой или, по крайней мере, не общепринятой в середине XVII века. Об этом свидетельствует защитник старого обряда протопоп Аввакум, описывая момент великого входа: «В то время после меня взяли Логгина, протопопу Муромского. В соборной церкви при царе остриг в обедню; во время переноса снял патриарх со главы у архидиакона дискос и поставил на престол с Телом Христовым. А с чашею архимандрит Чудовский Ферапонт вне олтаря при дверях царских стоял. Увы разсечения Тела Христова пуще жидовского действа!»¹¹ Таким образом, протопоп Аввакум, с одной стороны, воспроизводит уже упомянутое распространенное на Руси мнение о том, что евхаристические дары к великому входу являются освященными, а с другой возмущен, по-видимому, новой для него практикой раздельного поставления даров на престол. Этот факт наталкивает на мысль, что рассматриваемый Служебник может относиться к самому началу патриаршества Никона.

Диалог *accessus ad altare* начинается возгласением патриарха: «Благодатию Своею, Богъ да проститъ и помилуетъ всехъ насъ». Архидиакон кадит патриарха, обращаясь к нему со словами: «Духъ Святый снидеть на тя и сила Вышняго осенить тя. Помяни мя, владыко святыи». На что патриарх отвечает: «Помянеть тя Господь Богъ во царствіи Своемъ, всегда и ныне и присно и во вѣки вѣкомъ».

По окончании священнодействий великого входа Служебник упоминает о священнической хиротонии, а после нее указывает на то, что при пении *Eis pollà ěτη, déspotà* патриарх, стоя на орлеце, должен осенить молящихся «све-

¹¹ Житие протопопы Аввакума им самим написанное // под ред. Н.С. Тихонравова. СПб., 1861. С. 24–25.

щею», но без молитвословий, как это было в практике, отраженной, например, в рукописях XVI века.

В начале обряда *лобзания мира* патриарх произносит уже известную по многим древнерусским рукописям молитву «Господи, любви Творче...», затем все священники поднимают и держат воздух над дарами, но не веют им. Патриарх и епископы «подкланяють главы свои подь святыи покровъ», произносят так *Символ веры*, затем с чтением *Трисвятого* сгибают воздух и полагают его на престоле.

Залог новорукоположенному пресвитеру преподается по освящении Даров.

После пения *Достойно есть* патриарх поминает «святѣйшихъ вселенскихъ патріарховъ», после чего возлагает на свою голову митру. В этот момент старший сослужащий архиерей возносит ту же молитву за самого патриарха, в конце которой они лобзались со словами «Христос посреди насъ. И есть и будетъ». После чего епископ, произносивший молитву, также возлагал на себя митру. Диптихи завершал архиdiaкон словами: «Егоже и кійждо имея помышления о своихъ согрешеніихъ и о всехъ и за вся». Произнеся данный текст, архиdiaкон подходит под благословение к патриарху, целует его руку и митру со словами «Христос посреди насъ. И есть и будетъ».

Указание на диаконскую хиротонию приписано на полях Служебника напротив возгласа «И да будутъ милости...».

Единственным нефилофеевским молитвословием перед причащением являются распространенные в древнерусском литургийном формуляре стихи: «Боготворящую Кровь ужаснися зря...». Кроме этого, патриарх, преподавая себе частицу Тела Христова, произносил дополнительные слова к тексту «Честное и Пречестное Тѣло...», касающиеся наименования храма, в котором совершается литургия, и дня святого или праздника. При принятии Св. Крови от потира патриарх произносит «Честная и *боготочная* Кровь», а не «*пречестная*», что нехарактерно для древнерусской традиции.

После причащения духовенства патриарх, по уже существовавшей практике, вкушал антидор и часть Богородичной просфоры, умывал руки, произнося «Ныне отпускаеши...», Трисвятое, тропари и кондаки храма и дня. «Благословеніе Господне на васъ...» патриарх произносит, стоя на орлеце за амвоном, а не в святых вратах алтаря. Молитва «Исполнение закона и пророковъ...» озаглавлена в патриаршем Служебнике как *всегда потребити святая*, а не *конечная*. По отпусте литургии патриарх разоблачался на своем месте в наосе, во время

чего священники служили молебн. Затем патриарх благословлял всех присутствующих в храме, но традиционную проповедь не произносил.

2.4. Святые врата

В начале литургии святые врата отворяются только для того, чтобы патриарх зашел в алтарь для целования Евангелия и затворяются по его выходе в наос на облачение. Снова отверзаются по покрытии даров на проскомидии для произнесения отпуста и не затворяются до окончания великого входа. После чего отверзаются по окончании диалога *accessus ad altare* для осенения свечами молящихся и сразу затворяются до причащения мирян. По причащении духовенства диакон отверзает святые двери, оставляя их открытыми до окончания литургии.

2.5. Омофор и митра

В целом порядок использования омофора на литургии соответствует древнерусской практике, содержащих полный архиерейский чин. Во время Апостола нет указания на снятие омофора с патриарха, однако в момент восхождения архидиакона с Евангелием на амвон сказано, что один из диаконов стоит в алтаре, держа на своих руках омофор. Из этого следует, что омофор был снят перед чтением Священного Писания. Сугубая ектения произносится протодиаконом, держащим патриарший омофор на своей правой руке. Из текста рукописи неясно возлагался ли на патриарха омофор до великого входа. Затем в начале описания процессии великого входа упоминается, что иподиаконы снимают с архиереев митры и омофоры. Во время процессии с дарами в святых вратах на патриарха возлагается омофор, причем «не яко ж первее, но согбены оба концы», т.е. по типу т.н. малого омофора.

Митра снимается на малом входе перед вступлением патриарха в алтарь. Тоже замечание Служебник относит и к архимандритам. Перед чтением Евангелия диакон снимал митру с патриарха, а по его окончании снова полагал на патриаршую голову. Также делали остальные архиереи и архимандриты. Непосредственно перед процессией великого входа диакон снимал с патриарха митру и возлагал после омофора в святых вратах. По окончании молитвословия «Въ первыхъ помяни, Господи...» митра вновь надевалась на голову патриарха, однако о снятии ее перед этим моментом ничего не сказано. Вероятно, митра снималась перед или во время *Символа веры*. На время причащения архиереев после возгласа «И сподоби насъ, Владыко...» патриарх отлагал митру, а после него надевал вновь.

Выводы

По своему составу патриарший Служебник является уникальным для древнерусской литургической традиции XVII века, поскольку содержит сокращенное изложение чинопоследований в виде устава. Автору статьи не удалось обнаружить никаких других рукописей этого же времени, которые бы совпадали по составу с ГИМ. Син. 690. Кроме того данный Служебник является единственной рукописью, где изложен полный дореформенный патриарший чин литургии¹². Таким образом, Служебник, вероятно, представлял собой или некий устав совершения богослужения для патриаршего служения, или являлся промежуточным этапом при подготовке полного патриаршего Служебника¹³.

Особенности состава литургийного формуляра ГИМ. Син. 690 позволяют отнести данный Служебник к дореформенной традиции. Однако, результаты анализа рукописи говорят о том, что данный Служебник является попыткой составить новый порядок архиерейского служения¹⁴. Вероятно, за основу был взят текст иерейского Служебника иосифовской печати, который был дополнен элементами древнерусского архиерейского чина литургии.

Все это позволяет нам сделать вывод, что данная рукопись являлась черновым вариантом для последующей редакции и издания русского печатного архиерейского Служебника, до сих пор не существовавшего. Вероятно, эта рукопись была первой попыткой унифицировать архиерейское богослужение в соответствии с принятой тогда русской традицией. Однако из-за отсутствия точных палеографических данных вопрос датировки остается пока открытым. С одной стороны, издание архиерейского Служебника могло быть предпринято еще при патриархе Иосифе, но в последние годы его жизни. С другой стороны, этим вопросом мог заниматься уже патриарх Никон, который радел за соблюдение богослужебного устава, поэтому Служебник был составлен в самом начале его

¹²Существует также Служебник московского патриарха Иова (ГИМ. Син. 1074. Нач. XVII в.), который был вкладом патриарха в ризницу Успенского кафедрального собора в 1604 году в память о своих родителях. Однако рукопись содержит ординарный (иерейский) чин литургии без каких-либо особенностей, относящихся исключительно к архиерейскому богослужению.

¹³На последнее может также указывать тот факт, что исследуемый Служебник написан скорописью в сокращенном виде и никак не украшен (например, упомянутый Служебник патриарха Иова богато украшен миниатюрами). Трудно представить, что такая книга предназначалась для регулярных торжественных патриарших богослужений.

¹⁴Так, например, патриарший чин, изложенный в ГИМ. Син. 690 не содержит т.н. вторую или архиерейскую проскомидию с выниманием частиц после малого входа, как в Служебниках БАН. Новг. 918; ГИМ. Син. 310, 680 и 909 или перед великим входом, как в рукописях ГИМ. Шук. 40 и Син. 271, однако все равно предписывал патриарху повторять весь ее текст, в то время как она совершалась в алтаре перед литургией.

патриаршества с целью упорядочить архиерейский чин в согласии с русской практикой. Впрочем, этот новый Служебник так и не был издан, поскольку произошла переориентация на греческую практику, которая вызвала у патриарха Никона больший интерес.

Вместе с тем чин патриаршей литургии XVII века не был окончательно забыт. Текст ГИМ. Син. 690 лежит в основе некоторых старообрядческих архиерейских Служебников¹⁵. Более того, один из таких рукописных Служебников употребляется в современной практике митрополичьего богослужения в московском Покровском соборе Русской Православной Старообрядческой Церкви¹⁶.

Источники и литература

1. Горский А.В., Невоструев К.И. Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. М., 1869. Отд. III. Ч. 1.
2. [Горский А.В. и Невоструев К.И.] Описание славянских рукописей Московской синодальной библиотеки. С предисловием Н.П. Попова. М., 1917. Отд. III. Ч. 2.
3. Дмитриевский А.А. Богослужение в Русской Церкви в XVI веке. Часть I: Службы круга седмичного и годичного и чинопоследования таинств... Казань, 1884.
4. Дмитриевский А.А. Отзыв о сочинении М.И. Орлова «Литургия св. Василия Великого» // Сборник отчетов и премий о наградах, присуждаемых императорской Академией Наук: Отчеты за 1909 г. СПб., 1912.
5. Желтов М.С., диак. Архиерейское богослужение // ПЭ. М., 2000. Т. 3. С. 566–575.
6. Житие протопопа Аввакума им самим написанное // под ред. Н.С. Тихонова. СПб., 1861.

¹⁵ Автору удалось обнаружить три таких Служебника из библиотеки Рогожского кладбища: РГБ. Ф. 247. 912, 1863–64 г.; 682. Сер. XIX в. (не позднее 1854 г.) и рукопись Покровского собора на Рогожском кладбище 1914 г.

¹⁶ Эта рукопись не попала в число книг, вывезенных в Государственную библиотеку 1918 г. Служебник был написан в 1914 г. в Москве старообрядческим писцом Лазарем Онуфриевичем Кабановым, уроженцем деревни Беливой Богородского уезда Московской губернии, работавшим на Рогожском кладбище. Уже при первом взгляде становится ясно, что весь текст Служебника в точности скопирован с более ранней рукописи РГБ. Ф. 247. 682, в основании которой, в свою очередь, лежит текст ГИМ. Син. 690. Сер. XVII в.